

Мелвилл Герман - Стихотворения и поэмы

ЗНАК

Перевод В. Топорова

Тень разодрана лучом,
Не укрыться нипочем
На берегу твоём крутом,
Шенандоа.
Бушевала здесь война.
(Эх, Джон Браун, старина)
Не зазеленеют ветви снова.

Эти раны, там и тут,
Никогда не зарастут,
Иль напрасен бранный труд,
Шенандоа?
Рана каждая страшна.
(Эх, Джон Браун, старина)
Метеор сраженья рокового.

ОПАСЕНИЯ

Перевод В. Топорова

Когда ураганы свои океан
Во глубь континента нагонит —
Смятение и ужас на лицах крестьян,
И город измученный стонет, —
Тогда не открытых, а внутренних ран
Боюсь я твоих, государство.
Боюсь твоих величайших надежд, отравленных ядом
коварства.

Природу сумеем, пожалуй, сдержать,
А может быть, даже сдержали;
Сумеют и дети — и с пользой — читать

Ее роковые скрижали.
Но бури есть тайные — их не унять
Нам и не понять их, а все же
Боюсь, что прогнили стропила домов и киль корабля
покорезен.

БОЛС-БЛАФФ
РАЗМЫШЛЕНИЕ (ОКТЯБРЬ, 1861)

Перевод Игн. Ивановского

Однажды в полдень, стоя у окна,
Я увидел — о этот горький вид! —
Как парни, каждый ряд — в струну,
Шли на войну,
Оркестрами гремя на всю страну,
И женщин радостный синклит
Приветствовал их, за волной волну.

Под ярким солнцем лился их поток,
Цвели, как юный клевер, их сердца.
(Коснулся ветерок лица.)
Их жизнь звала,
Вдомек ли им, что смертного венца
На многих тень уже легла?
Ведь молодость жить хочет без конца.

Прошли недели. Ночью у окна
О тех, ушедших, сну наперекор
Я думал. (О война! Ты — вор.)
И топот ног
От набережной долетел во двор.
Я грустно слушал, одинок,
Пока последний не умолк повтор.

ДОНЕЛСОН
(ФЕВРАЛЬ, 1862)

Перевод Ал. Ал. Щербакова

Еще во рту горчило от запрета,
Которому подверглись все газеты,
И над страной густая висла тень,
Когда по снежной слякоти, в которой

Тонули улицы, перед связной конторой
Сошла толпа взглянуть на бюллетень
Со сводкой новостей с полей сражений,
Висящий на доске для объявлений.
Перед доской клубок людской набух,
Туда и не пробиться тем, кто сзади.
«А ну-ка сдай! — раздался крик. — Эй, дядя!
Ты выше всех! Будь добр, читай-ка вслух!»

НАМ СООБЩАЮТ.

*Генерал Ю. Грант
(На днях явивший нам свой воинский талант),
Имея под командой три бригады,
К полудню в среду занял с трех сторон
Рубеж, весьма удобный для осады
Мятежной цит а дели Донелсон.*

*Мятежники надежно укрываются
На гладком и обширном плоскогорье.
Оно к реке от весно обрывается.
А с трех других сторон врагу подспорье
Овражистые склоны, нисходящие
В подмокиший дол, поросший дикой чащетою.
Насыщена лесная территория
Нерегулярной сетью укреплений,
Прикрыта в шей кряж с различных направлений.*

*Мы в Теннесси. Здесь в это время года,
По нашим взглядам, майская погода.
Для северян и жителей степей
Вид сказочный. Взираем, изумленные,
На дебри, где сплетения ветвей
Увешаны о мелою зеленою.*

*В войсках царит решимость. Все уверены
В том, что осада долго не продлится.
Мы не вторять ошибок не намерены,
Топчась у сильных вражеских позиций.
Считают, с марша будет нанесен
Прямой удар по форту Донелсон.*

Ночь отвисев, та синяя бумага
Поблекла и размокла на дожде.
Но утром новая повисла, благо
Поспели новости.

БЛИЗ ФОРТА Д.

*Грант полукругом разме с тил полки,
И наша линия расположения
На флангах вышла к берегу реки.
Мятежники попали в о к ружение.
Все это славно совершилось в среду.
Но парн и платят кровью за победу.
К той линии, что в штабе намечают,
Увы, дается с бою каждый шаг.
Стрелки-охотники нам очень д о кучают,
Упорен и коварен враг.
Но цель достигнута, а поз д няя пора
Смирила пыл сторон.
В четверг с утра
Удача! Нами занят склон пологий
Почти до самой вражеской берлоги.
Противник вылазку затеял, но была
Она отр а жена. А с левого крыла
Нажим бригады нашей пешей
Успеха не имел, смят контратакой с флешей.
И все-таки погода подвела.
С полудня пасмурно, не то что день вчерашний.
Подмерзло ночью. Это их стрелкам
В чащобах топких облегчает ша и ни.
Остыли шомпола и липнут к языкам.
А как согреться? Кто побесшабашной,
Те пляшут, хлопают покрепче по бокам.*

*Треск выстрелов и крики целый день.
Парням сегодня туго. За любой
Валун замши е льый или толстый пе нь
Идет жестокий рукопашный бой.
Бывает, что, стремясь укрыться за кустом,
В упор встречаешь там того, кого не чаешь.
Картечь в один удар сметает взвод гуртом.
Вид полных лаз а ретов удручающ.
Полковник Моррисон погиб у нас, увы,
Когда он вел свой полк на фл еши через рвы.
Их меткие стрелки нас очень беспок о ят.
В ответ, озлясь, и наши кроют:
Их канониру высунуться стоит —
Уж точно не снесет он головы.
Как дикари у соло н цов лесных
В засаде лося ждут, так ждут и наши их.
И тут уж кто кого. Угрюмость небосклона —
Предвестье скорого паденья Доне л сона.
Мятежникам несвычны холода.
Нам, северянам, х о лод не беда,
От стужи наша сила не скудеет,
Так что, сч и тайте, стужа нам радеет.*

ДОПОЛНЕНО.

*...И вынесло из шанцев
Орду вопящих оборванцев.
Лишь белый вроде знак на р у кав е
Их отличал от шайки мародеров.
Но были среди них, держались во главе
Патриции на вид, петлицы у которых
Кипели золотом — те, жаждущие славы,
Что подняли мятеж, отважный и неправый,
Их заводилы. Этою толпой
Помяты были в некоторой мере мы,
Но поле удержал и за собой,
Хотя и с неизбежными потерями.
Намного лучше шли у нас дела
Во время действий правого крыла,
Где двигалась ударная колонна
Через ольховник скрытно вверх по склону.
Казалось снизу — парни не взойдут.
Но все-таки они взошли и даже
Местами од о лели гребень кряжа
И напоролась прямо на редут.
Тут их заметили. Сосредоточенный
Огонь обрушился на смельчаков,
И не один из них пал, изрешёченный,
Ища ук р ы тия от пуль врагов.
Возможно, дерзость их была чрезмерна,
Но уцелевшие в рассыпку залегли
И отбивались т ам до часу дня примерно,
Когда приказом их за гребень отвели.
Едва ли горсть из них пробила путь назад,
Оставив мертвые тела и кр о ви лужи,
Как бы висячие сады смертельной стужы,
Которые сном непробудным спят.
Они отомщены. Шквал ядер и гранат
Накрыл редут, а в нем мятежников скопл е ние,
Как полагают, там посеяв ад
И начисто сорвав контрнаступление.
(Отрывок этот в трепет нас поверг.
В нем, в и димо, даны подробности той
акции,
Которая была предпринята в четверг.
О ней писалось р а нее. — Редакция.)
Благополучным не назвать ночлегом
Тот, что пришлось нам нынче пережить.
К полуночи ударил дождь со снегом,
И то-то начало в костях мозжить.
К утру мы все почти заледенели.
Палаток нет. И даже нет шинелей.
Посбрасывали их, пока мы шли сюда.
Погода-то была почти по-майск и жаркая,
А марш — ускоренный. Вот по запарке и*

*Шинели, скатки прочь. А здесь без них — беда!
Костры начальство запретило жечь,
И сам не разожжешь, чтоб пули не навлечь.
Еды горячей нет. Промокли все до нитки.
А тут еще и снег. Предпринял враг п о пытку
Пойт и на вылазку. Война и есть война.
Зап а тит Донелсон за это все сполна.*

«Ну-ну!
Пора бы уж уметь вести войну!» —
Сердитый патриот вскипел от гнева правого,
Ворочая зонтом. С его зонта, дырявого,
Что угодивший под картечь фургон,
Лило на головы соседям. Ветрогон
«Ура, — воскликнул, — Гранту!», дождь хлебная.
Крик подхватили два-три шалопаи,
Но мало кто из взрослых поддержал.
Откуда ни возьмись, Лоб Медный, друг южан,
Явился вдруг в толпе и произнес ехидно:
«Мы бьем, нас бьют, — а эти, знай, орут.
Им лишь бы пошуметь. Мальчишки, сразу видно.
А там ведь тысячи народу мрут.
Южане трусы, мол! Их вмиг поприщемляют!
А эти трусы нам еще наkostenяют!»
«Сэр, мы их победим», — ответствовал
внушительно
Торговец-борода с осанкой медвежачьей.
«Сэр, вы так думаете?» — желчно,
снисходительно
Лоб Медный обронил, поблекших глаз не пряча.
«Да, я так думаю», — ответил борода.
Помедлил Медный Лоб и, головой качая,
Сказал: «Погибшая страна!» По кучке льда
Ударил тростью и пошел, не замечая
Враждебных взглядов на своей спине,
И, выйдя на угол по южной стороне,
Попал под бешеный заряд дождя и града.
И все подумали: «Вот так ему и надо!»

Наутро тот же ветер, дождь и лед...
Но у доски толпа известий ждет.
Плешивый писарь вышел из конторы,
Невозмутим средь понуканий хора,
Наклеил лист. Там было от руки:

НАШ СЛАВНЫЙ ФЛОТ НАНЕС УДАР С РЕКИ!

УСПЕХИ В ПЯТНИЦУ!

КОНЕЦ ПЛАВБАТАРЕИ!

НА ВСЕХ УЧАСТКАХ КРЕПНЕТ НАШ НАПОР!

**С ЛЮБЕЗНЕЙШИМ ПОКЛОНОМ КОММОДОР
ВЛОЖИЛ-ТАКИ МЯТЕЖНИКАМ ПО ШЕЕ!**

«Ну! Дальше что?» — кричат чтецу привычному
Те, кто подальше, голосами зычными.
«А ничего нет дальше!» — »Как так — нет?»
«А так вот — нет! «Ура», и весь привет.
Вон лысый что-то тащит. Дай дорогу!»
«Чего-чего?» — «Да тише вы, ей-богу!»

*(По данным, непрерывно поступающим,
Вполне заслуживающим доверия)*

*Подтянуты резервы к осаждающим:
Пехота, конница и артиллерия.
Направлены обозы с амуницией.*

*За шестимильной вражеской позицией
Нора таится. Но не век таиться ей!*

*Вчера на нас буран нагнали прерии:
Оврагами сквозь кряж на берега,
Промерзшие, как камень, налетела
Пои стине лаплан дская пурга.*

*В начале дня — двухчасовое дело:
Две наши канонерки против форта.
Не повезло бедняге «Луисвиллу»:
Гранатой руль и плицы раздробило,
Стодвадцативосьмифунтовое ядро
В люк пушечный вломилось по штирборту.
Ударом переборку протаранило,
Обслужу пушки вывело из строя
(Троих свалило разом, прочих ранило,
У командира вышибло нутро,
Мы все скорбим о гибели героя).
Лишенный управленья «Луисвилл»,
Игрушкой на стремнине ставший сразу,
Листком кружил, пока на мель не встал,
Но вплоть до получения приказа
Геройский экипаж поста не покидал.*

*Как полагают в штабе, причинен
Противнику существенный урон.*

*А так — день новостями не богат.
Одни артиллеристы воевали,
Обменивались, по сл о вам солдат,
Приветами, поскольку нынче Валя.
Порядки плотны, линия не пятится.
Стрелки-охотники по-прежнему вредят.
Смеркается. Дано близ форта в пятницу.*

ФРОНТ, ЧАС СПУСТЯ.

*Ужаснейшая новость!
Чем обернулась кл и мата суровость?
Той ночью раненых погибли дюжины,
В чащобе вовремя не обнаруженных.
Когда отбили нас перед зас еками,
То подбирать в снегу их было некому.
Призывов жалобных о вспоможении
С постов не слышали сквозь гул сражения.
Кто в силах был еще, ползти пытавшихся
Сыскали час назад — в снегу оставши х ся.
От боли дрогнули сердца солдат,
Но дух в ы сок. Все, как один, твердят:
Ни холодом, ни голодом, ни пулей
Не отпугнет нас вражий улей.
Еще, мол, завтра солнце не закатится,
А Донелсон за это все заплатится.
Твердят, озябшие, твердят, не евшие,
Твердят, найдя тела заледеневшие
Перед редутами, что сыплют бомбами
Над тем и смерзимися гекатомбами.
А взгляды тянутся к знаменам вражьем,
Что нагло плещутся над заовражьем...
Противник тоже мерз под снегом липнуцим.
Ничем помочь не мог беднякам гибнуцим
И с милосердием, хоть и варнажьем,
Им избавл е ние от мук пожаловал —
Кого сы скал в снегу, тех поприкалывал.
Тем только жару нам поддал за шиворот!
Какой-то Банкер-хилл, хоть и навыворот.*

*Над смолкшею толпой пронесся трепет,
Объяла всех гнетущая тоска.
Тот синий клок и влажная доска
Явились взорам словно бы подобие
Глухого вопля из-под плит надгробия.
А вьюга призраки из снега лепит*

И простирает в небе мрачный стяг,
И хлещет в грудь, и жалит стужей лица.
И это жалкие крупницы
Того, что ждало в чаще тех бедняг!
От горькой мысли той душа томится.
Но худшее на следующий день
Принес субботний бюллетень:

*В субботу в три часа утра
Как дрогнула вся их нора!
Секретам, понева о ле бдительным,
Шум показался подозрительным,
Но как сквозь вьюгу бросить взгляд,
Что там творится? После трех тревог
(Не вызвавших смятенья у ребят),
Едва лишь смутно по бледнел восток,
Противник начал вылазку из крепости,
Неописуемую по свирепости.
Три плотных многотысячных колонны
Изверглись из утр о бы Донелсона,
И каждая, как адская река,
На наши цепи ринулась со склона.
Как вал морской по зеркалу песка,
Они неслись. Не дрогнули войска,
И лишь на фланге одного полка
Открылась брешь. Но Грант не прозевал,
Туда направил пушки из резерва.
В отчаянном бою отбит был натиск первый.
От хлынул вал.
Но свежий вновь скопился и ударил.
Дождь ядер и гранат передний край ошпарил,
Смешался фронт, и завязалась страшная
В своей запутанности рукопашная.
Индийский бой пошел, где всяк в отдельности
Крушит во что горазд кого придется,
Где каждый поединок — верх беспечности,
А общий смысл, хоть есть, не вдруг найде т ся.
Единоборства всюду — штык к на штык,
Единоборства кулака с прикладом,
Единоборства в чаще — хруст и крик,
Единоборства на горе и рядом!
И тол ь ко исключительной отвагой
При самом крайнем напряженье сил
Наш правый фланг, отброшенный к оврагам,
К полудню натиск отразил.
Противник не с пешит в свои берлоги,
Он укрепляет взятый склон пологий,
На наших сверху вниз насмешки сыплет он.
Исходный наш рубеж ухудшился в итоге,
Но большего не смог д о биться Донелсон.*

Чтецу пришлось кричать, так билась вьюга.
Хоть полдень на дворе, мерцает в окнах газ.
Чтоб ветер с ног не сбил, приходится подчас
Отчаянно хвататься друг за друга.
От газового света синеватые,
Мелькают лица. Цветом ту бумажку
Напоминают, трауром чреватую, —
И та ж на них печать тревоги тяжкой.
Да, трудная наука ждет сердца
Уметь хранить надежду до конца
И выстоять, не поддаваясь стонам,
С упорством одиночки-храбреца
Под Донелсоном.
Но пустовала до ночи доска.
По ней сто тысяч глаз по крайней мере
Прошлись, следя, как с мокрого клочка
Бегут цепочкой капли по фанере
И холмик ледяной копится у стены.
И вот:

ВСЕГО ЗА ЧАС ВОСПОЛНЕНЫ ПОТЕРИ!

СУББОТНИЙ КОНТРУДАР!

ПРЕВРАТНОСТИ ВОЙНЫ!

*Поддать бы им с реки! Но тут у нас затор:
Свои суда в ремонт отводит коммодор.
А жаль. Диверсия была бы кстати.
Свинц о вы небеса. Залегшие на скате,
Ребята сумр ачно глядят на кряж,
Который час назад так выгодно был наш,
И переводят взгляд на Гранта. Грант их хвалит,
Взъярились, понимает он,
Они пойдут на штурм. Не так их вьюга жалит,
Как то, что смех врага на миг обрел резон.
Им только дай приказ — и быть великой драке,
И тут не у с тоит, не выдержит атаки
Строптивый Донелсон.*

ЧАС ПОПОЛУДНИ.

*Поступил приказ
О срочном выводе в глубинные порядки
Частей, урон понесших в ранней схватке.
А им на смену на передний фас
Выходят свежие подразделения
Из прибывающего по д крепл ения.
Пока порыв к реваншу не угас
В сердцах бойцов, отвагою горящих,*

*За утренний расстрой себя корящих,
Во с прявшему врагу со всей решимостью
Быть должен дан отпор в ближайший час.
Войска кипят его необходимостью.
Нет добрых лиц. Куда ни посмотри,
Солдаты рвутся в бой, приказа ждут и
Глядят свирепо, словно дикари.
Да, есть необычайные минуты —
Кровь, слезы и жестокая война!
Пологость склона сданного видна,
И странно выглядит она, как будто
Пуңц о вый клевер пал на белый наст.
То пролитая кровь. Лежит полого
Лу г смерти. Всякий жать на нем горазд,
Но тех жнецов самих пожнетса много,
И эта неминуема дорога.*

ТРИ ПОПОЛУДНИ.

*Час определен.
Доложено о перегруппировках
В составе атакующих колонн:
Команды самых сильных, самых ловких
Возглавят полк, нацеленный на склон.*

*На Лью Уоллиса возложена задача
Восстан о вить...
(Прервалась передача.
Обрыв на линии. Пурга. Помехи.
Не позже, чем к утру, ждем новости большой.
Креп и тесь и надейтесь всей душой!
Есть полная, уверенность в успехе.)*

И впрямь к утру поспело продолжение
Рассказа о решающем сражении.

УДАЧА!

*Утро — их. Зато уж вечер — наш!
Лихим ударом вновь отобран кряж.
Отчаянные наши новобранцы
В один бросок преод о лели шанцы
И лавой затопили склон.
Вперед! Вперед на Донелсон!
За шляпой, поднятой на сабле командира,
С низин нахлынув, синие мундиры
Захлестывали кряж. И что им не перечь:
Ни пули, ни шрапнель, ни ядра, ни картечь.
Без лестниц штурмовых, без кошек и веревок
За гребень ледяной перемахнули синие,*

*И к ночи был успех по всей достигнутой линии.
Враг смят и отступил. Ему не до издёвок.
Ребят ничем не удержать.
«Да тут всего разок нажать!
Вперед! — кричат. — Вперед! Покончим
с их твердынею!»
Но Грант их бережет. Грант осторожен.
В кромешной тьме исход сраженья ненадежен.
Друзья, терпение! Победа не уйдет.
При первом сведе дня мятежный форт падет.*

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС. ФОРТ НАШ!

*Отменена атака.
Над фортом белый флаг под утро всплыл из мрака.
Капитуляция. Упал их чванный стяг.
Видать воочию, как хрустнул их костяк:
У них полны казармы искалеченных,
Врачебной помощью не обеспеченных.
Ребята подняли национальный флаг
Над зданием суда на их зазнайском шпиле.
Три баржи наших раненых отплыли
Вверх по реке на Навилл. Сломлен враг.
Одно из выдающихся сражений,
Которые в нем помнит свет,
Конец чреды прискорбных поражений,
И первое звено в цепи побед —
Удар, который Грантом нанесен
В бою за Дону сон.*

*Реестр погибших выйдет через сутки.
Подробности триумфа — в промежутке.*

*Закончил чтец. Не в силах с чувством справиться,
Всплеснул руками, закричал: «Ура!»
И дружным ревом подхватила здравицу
Толпа, депеши ждавшая с утра.
Лил дождь, и были улицы бесфлажны,
Но только ль от дождя у многих щеки влажны?
А то ли грянуло вечернею порой?
В любом трактире пир горой,
Что может, всё цело, гремело, ликовало,
И по усам текло, и в непогодь сняло,
А кроткий, праздная победы обретение,
В тиши благодарил молитвой провидение.
Но сколько было тех, кто ночь провел без сна,
Кто рано поутру из дому вышел,
Кто, словно бы других не видя и не слыша,
Хватал сырой реестр, — невеста, мать, жена.*

А список все течет потоком день за днем,
И тысячи надежды крушенье терпят в нем.

О господи! Пускай триумфы и стенанья
С потоком времени уйдут из поминанья,
Забудутся, как сон.
Пусть рухнувший флагшток лежит в ложине, мшея,
Пусть будет острый срез барбета и траншеи
Песками занесен.
Пусть быстрая река подмоет склон безгласный
И в море унесет. И очи дня напрасно
Пусть ищут Донелсон.

УТИЛИТАРНЫЙ ВЗГЛЯД НА БОЙ «МОНИТОРА»

Перевод Игн. Ивановского

Пишу размеренным стихом,
Не слишком расторопным.
Пусть говорит он о войне,
Отбросившей всю мишуру,
И не звучит
Кимвалом допотопным.

Ура победе без речей
И без эффектов шумовых.
Теперь зависит ход войны
От мощных мускулов машин.
Она в руках
Ремесел и мастеровых.

Да, эта битва поважней
Всех героических историй.
Бесстрашный бой, где все решит
Работа рычагов, осей,
Гребных винтов
И правильный расчет калорий.

Исход борьбы известен всем.
Доныне эхо в мире есть
От гула листовой брони.
Под грохот схватки кузнецов
До нас дошла
От Парок роковая весть.

Война придет еще не раз,
Но изменился облик драмы.
Война придет, но воин стал
Рабочим. Пышный блеск войны
Ушел навек.
Под галунами скрыты шрамы.

ШАЙЛО РЕКВИЕМ

Перевод В. Топорова

Мирно ласточки летят,
Словно из былого,
Над могилами солдат
Во поле в Шайло.
Ночью здесь с небес лило,
День и день творилось зло,
За два дня в апреле
Нивы заалели
Вкруг села Шайло.
Церкви тамошней стена
Чуть не рухнула: она
Приняла молитвы
Жертв кровавой битвы.
Грозно встали рать на рать —
И стоят, ни шагу вспять,
Не желая изменять
Доблести былого...
Вот и ласточки опять
Во поле в Шайло.

МАЛВЕРНСКИЙ ХОЛМ

Перевод В. Топорова

Здесь вяза старые стоят
И листьями шуршат.
Вы помните, как был отряд
Мак-Клеллана зажат?
В лесу лежали трупы тех,
Кто не ушел назад, —
Упавшие с рукой, на Юг
Простертой в миг последних мук...
И кипарисов скорбный круг

Оплакивает всех.

Манили Ричмонда огни —
Недалеко они:
Вдоль окровавленной стерни
Хоть руку протяни.
Семь Дней мы бились, семь Ночей —
И это были дни
Отваги, страсти и тщеты,
Как призрак, стали я и ты, —
И зрели вязы с высоты
И жертв, и палачей.

Весь в потускневших звездах стяг —
Вокруг огонь и мрак —
Не мог сорвать, не мог никак
Победоносный враг.
Мы набирались новых сил
Бог знает где и как,
Мы ждали: будет перелом
И в контратаку мы пойдем —
Но знает здешний бурелом,
Что он не наступил...

— *Мы старые вязы.
Мы смерти упорней.
Стань мир еще вздорней —
Не высохнут ко р ни
И листья весною распустятся сразу.*

СРАЖЕНИЕ НА КАМЕННОЙ РЕКЕ, ТЕННЕССИ ВЗГЛЯД ИЗ ОКСФОРДСКОГО МОНАСТЫРЯ (ЯНВАРЬ, 1863)

Перевод О. Мартыновой

Как Тьюксбери, как Барнет-Хит,
И эта битва в свой черед
Уйдет в таблицы смутных дат,
В преданья перейдет.
Друида сном в тени дерев
Уже нам предстает она,
И давешний туманит бой
Забвенья пелена.
О Юг и Север! в вас выиграла
Кровь Розы Белой, Розы Алой.

Ланкастеров и Йорков Спор
Борьбой за Правду назван был;
Страсть, презирая боль и смерть,
Вдыхала в распрю честный пыл.
Монах войска благословлял.
Но крест на золоте знамен
Братоубийственных клинков
Скрещеньем осквернен.
Вошло ли в Юг и Север жало
Лжи Розы Белой, Розы Алой?

И в роще кедров Роузкранц,
И Брекенридж, что окружен
Тьмой кипарисов — их удел
Туман времен.
Перед атакою войска
Притихли в сумерках лесных,
Предчувствуя ту тишину,
Что ожидает их.
Вам, Юг и Север, встать в анналы
Близ Розы Белой, Розы Алой.

Но там, где яростный клинок
Повернут в ране, где страна
Мечом безжалостной Вражды
Озарена,
Где вера и закон молчат,
Где, лютой яростью вскипев,
Кровь горяча и ум горяч, —
Смирят ли Юг и Север гнев,
Чтоб мир вернуть земле усталой,
Вслед Розе Белой, Розе Алой?

**СТОУНВОЛ ДЖЕКСОН,
СМЕРТЕЛЬНО РАНЕННЫЙ ПОД ЧАНСЕЛОРСВИЛЕМ (МАЙ, 1863)**

Перевод Д. Шнеерсона

Вера крепка, и крепка рука,
В бою безоглядно лют —
Стоунвол!
Но Злу служил его ратный труд,
И мы не о нем в строю пропоем —
Потомки его помянут.

Мертвец, ведь то, чем он жил, — мертво,
Не мог быть иным итог,
Стоунвол!
Свой путь он избрал и свернуть не мог:
В геенне войны так Делу верны
Джон Браун, штык и клинок.

Пусть он безжалостно нас крушил,
Наш суд не будет крутым,
Стоунвол!
Развеется слава его, как дым,
Ведь Злу не дано воздвигнуться, но
Храбреца мы скорбью почтим.

ГЕНЕРАЛ ШЕРИДАН В СРАЖЕНИИ У СЕДАР-КРИКА

Перевод В. Топорова

Серебром был подкован
Генеральский конь.
Был скакун первоклассный —
Заводила погонь.
Гром донесся ужасный:
Конь! скорее в огонь!
Живо — или пропали!
Там на наших напали!
Наши лучшие пали!
И помчал — только тронь!

Попона из горностая —
Больно битва грязна.
Белый — в красное пламя.
Больно жаль скакуна.
Разглядели в бинокли:
Вот он мчит, сатана!
В панике побежали.
Наши на них нажали.
Из-под копыт сверкали
Искры — в бой, старина!

На загнанную лошадь
Пули не пожалей.
Из-за ее проворства
Местность еще алей.
Филип Шеридан — наездник
Почище иных королей.

Раз — и победа наша.
И — кровавая каша.
Выпил полную чашу
Враг среди тополей.

В саване соболином
Лошадь похорони.
Видишь: вокруг лавиной
Трупов лежат они.
Рубка! какая рубка!
Ведомо искони:
Победителя славим,
Побежденного травим,
А погибших — избавим
От мышинной возни.

НОЧНОЙ ПЕРЕХОД

Перевод В. Топорова

Изорван стяг, и прорван мрак —
Идет отряд солдат.
Не может медь не пламенеть
Мечей и тяжких лат.

Идет в молчанье легион,
А вождь их — где же он?
Но как в бою, идут в строю,
Порядок сохранен.

Их вождь (история гласит)
В сражении убит,
Но дух его ведет войска,
Не унывать велит!

НА КРОВЛЕ НОЧНОЙ НАБРОСОК (ИЮЛЬ, 1863)

Перевод С. Сухарева и С. Шик

Сна нет нигде. Нависла духота —
Гнетущая, как мука раздраженья,
Что в джунглях тигров охренных томит,

Кровь хищную алчбою распалая.
Пространство крыш огромно и пустынно,
Как Ливия. Безмолвие кругом.
Но там, вдали, неясный ропот слышен —
Разгул кощунственного Мятежа.
Там, где пылает Сириус зловещий,
Поджог взметнулся пламенем багровым;
В потемках крысы ринулись на Город
Со складов, с кораблей... Как сон, исчезли
Законы и святыни, что недавно
Сердцам внушали трепет и покорность
И своеволью ставили предел.
Во тьму столетий человек отброшен...
Привет тебе, глухое рокотанье
И мерный шаг, что сотрясает стены!
Явился мудрый Дракон с канонадой —
Пусть поздно, но явился, утвердив
Кальвина кредо и монархов славных
Безоговорочную тиранию...
И Город воскрешенный благодарен,
Не замечая темного пятна
На догмате республиканской веры
В природное людское совершенство
И римский сан, не терпящий кнута.

БОЛОТНЫЙ АНГЕЛ

Перевод Д. Шнеерсона

Есть Ангел курчавый, губастый
И черный, как ночь.
Живет он в болоте, где скачут лягушки
(Как беглый, точь-в-точь).
Но он ополчился на Город,
Вон тот, на другом берегу
Залива, и дышит он, волны вздымая,
И гибель пророчит врагу.

А ночью над Городом спящим
На миг метеор завис
И с неудержимым, терзающим воем
Вдруг ринулся вниз,
Безумье и ужас на лицах
Своим озаряя огнем,
А там уж и взрыв: стоны, вопли, рыданья
И стен оползающих гром.

С тех пор то и дело ночами
Зловещая вспышка видна,
Мишень угадать невозможно,
И людям уже не до сна.
Они околдованы жутью,
И смерть к ним спешит, осмелев:
Седеют, худеют, хладеют —
Вот Ангела Черного гнев.

Он мог бы все разом разрушить,
Однако ж намного страшней
Отсрочкой дарить обреченных.
И люди под градом камней
Все дальше и дальше бегут,
Но вспышки и взрывы все ближе и ближе,
Ни там нет спасенья, ни тут,
Там — стен оседающих грохот,
Тут — пламени яростный вой,
И Город, квартал за кварталом,
Навек зарастает травой.

Да это ли Город глумливый,
Да это ли жалкий бахвал,
Трубивший, что Черного Ангела выгнал,
Что землю свою затоптал?!
И поздно взывать к Михаилу
(У белых людей был такой серафим),
Давно уж он с Ангелом рядом,
И Город никем не храним.

И те, кто о Городе плачут,
Пусть плачут, что грешные мы,
А те, кто ликують... Спаси их,
Господь, уклони их умы.

МУЧЕНИК НАРОДНЫЕ ЧУВСТВА 15 АПРЕЛЯ 1865 ГОДА

Перевод Игн. Ивановского

Пятница страстная
Стала черным днем беды.
В этот день его убили,
Хоть вели его труды
К надежде и добру.
А он так хотел спасти

Заблудившихся в пути,
И терпимость в нем была
К побежденной злобной силе,
Но они его убили
Со спины, из-за угла.

Плачут сильные душой,
И скорбь страны горька.
Но у скорбного народа
Железная рука.
Берегитесь — у народа
Железная рука.

Отец лежит в крови,
Осиротел народ.
Но на смену Миротворцу
Мститель праведный встает,
Мститель мудрый и крутой.
Он исполнит до конца
Волю высшего творца
И убийц повергнет в прах,
Ибо нет путей их силе,
И Отца они убили,
Кровь его — на их руках.

Плачут сильные душой,
И скорбь страны горька.
Но у скорбного народа
Железная рука.
Берегитесь — у народа
Железная рука.

**«ПРЕЖНЯЯ РАБЫНЯ»
ИДЕАЛИЗИРОВАННЫЙ ПОРТРЕТ РАБОТЫ Э. ВЕДДЕРА НА ВЕСЕННЕЙ
ВЫСТАВКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ 1865 ГОДА**

Перевод С. Сухарева и С. Шик

В ней — мука целого народа,
Которому судьбой
Хоть поздно, но дарована свобода;
В чертах ее — покой.

Потомки радости узнают,
Неведомые ей;

И в тихом забытьи она провидит
Явленье светлых дней.

И счастья долгие века
Предсказывая просветленно,
Сияет смуглое лицо
Сивиллы благосклонной.

ЗАПОЗДАЛОЕ ВЕЛИКОДУШИЕ

Перевод С. Сухарева и С. Шик

«Оставим резкие слова:
Борьба завершена.
Тебе я руку протянул,
Взгляни же — вот она!
Ты отвернулся? Но тебе
Желаю я добра:
Ты храбро бился, а теперь
Вражду забыть пора.

Ни слова?.. Что ж, я победил,
Но я тебе не враг.
Уткнулся в стенку и молчишь?
Нет, не уйду я так!
Забыть о дружбе дней былых?
Упрямец, сумасброд!»
Склонившись, руку он схватил —
Но та была как лед.

МОГИЛА БЛИЗ ПИТЕРСБЕРГА, ШТАТ ВИРГИНИЯ

Перевод С. Сухарева и С. Шик

Над могилой насыпан холм,
Поросший зеленой травой.
Дэниел Драут здесь погребен —
Вечный ему покой!

Вспыльчив и на расправу скор,
Адским пылал огнем,
Но пламя угасло — отныне он
Глубоким почует сном.

Да будет пухом ему земля!
Имел он стальной закал —
И много преданных, честных сердец
В гневе сразил наповал.

Да будет пухом ему земля!
Пусть годы мирно текут —
И никто не посмеет нарушить покой
Ружья, погребенного тут.

В ПАМЯТЬ О МОРСКОЙ ПОБЕДЕ

Перевод Д. Шнеерсона

Моряки такой народ,
В них и мягкость есть, и сила,
Служба выковала их,
А волна хоть и смягчила,
След воинственного пыла —
Вот он — блеск клинка:
Ястреб, гончая и дворянин со шпагой,
Их не зря объединила
Тицианова рука.

Победитель, он царит
В самых избранных салонах,
Мельком собирая дань
Женских взглядов восхищенных,
Заслужил — все помнят — он их,
Проливая кровь;
Эта битва полыхает из былого,
Так закат на темных склонах
Краски оживляет вновь.

Но лелеющий в ночи
Искру — только б не задуло —
Очень скоро ощутит
Всю обманчивость посула,
Ибо счастье лишь мелькнуло,
А душа все ждет:
То, что в ней однажды всколыхнулось,
Дремлет. Белая акула
Ускользает в сумрак вод.

ПАВШИМ СТУДЕНТАМ

Перевод Игн. Ивановского

Отважны юные сердца,
Нетрудно их увлечь.
Когда война зовет к себе бойца,
Он обнажает меч.
Любовью или долгом вдохновен
(Пусть Каинами братья стать должны),
Самой ли Истины услышав речь,
Бежит ли он войны,
Покуда пыл страстей не погребен
Под снегом седины?

От нежных лет он вольно рос,
Достигнув зрелости мужской.
Легенды о делах отцов
Он в памяти пронес.
И, чуждый низости людской,
Душой он был открыт и прям,
И солнечность его чела
Ему наградою была.
Какие стройные ряды
Своих сынов, родных и близких нам,
Вступавших в жизнь, как в светлый храм,
И Юг, и Север посылал.
На их устах девиз пылал,
И вел их жребий к роковым полям.

Горе домам северян,
Горе жилищам южан.
Все, в ком молодость цвела,
Все, кого буря унесла,
Смелые души обеих сторон
Восстали, мужества полны,
И многим было невдомек,
Что дни их сочтены.
Как гордый Аполлон,
Пифону каждый угрожал
И свято в памяти держал
Родных краев тепло и свет,
Пыланье клятв, наказов суть
И поцелуи — счету нет.
Но якорь поднят, смело в путь,
Причал недолго оттолкнуть.
А был ли путь у них иной?

Священник и родная мать
Благословили убивать,
И Честь для всех была вождем.
То был ли бой Добра и Зла?
Пусть так; но юность их вела,
Тесной гроздью каждый клан,
В общий ад смертей и ран.

Пусть сердце матери найдет
Целительный бальзам.
Ее сыны отважно шли вперед,
Доверясь небесам.
Не испытали смельчаки
Ни пресыщенья, ни тоски,
И им казался мир иной
Зовущей радостной весной.
Их миновало бремя лет,
Как тот, до листьев, ранний цвет,
Который бурею сражен,
Когда всего прекрасней он.

КОМАНДИР СТУДЕНЧЕСКОГО ПОЛКА

Перевод Игн. Ивановского

Он едет впереди.
Костыль у седла, наискосок,
Рука перебитая — в лубке,
И взгляд его холоден и строг.

Домой ведет он полк,
Парадно уходивший в бой,
А ныне побитый, сытый войной.
Так с тонущего корабля,
Борясь с волной,
Матросы плывут по хляби морской
И еле тащатся по песку,
Преодолев прибой.

Невозмутимый, как индус,
Он от всего на свете далек.
Вместились десять веков
В молитвы, вопли, скрежет штыков
И мерный топот сапог.

Флаги, венки, радостный гул,
Цветы бросает народ,
Машут шапками старики,
Но в *нем* — досада растет.
Не то беда, что нет ноги,
Что руку штык погубил,
Что лихорадка тело бьет:
О себе он давно забыл.

Но там, где упорно бились Семь Дней,
В пороховом дыму,
Где погружался он с полком
В Питерсбергскую кутерьму,
О небо! — там, в крошечных боях,
Открылась *правда* ему.

Фрагменты ИЗ ПОЭМЫ «КЛЭРЕЛ» (1876)

Перевод В. Топорова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ГЛАВА XIII СВОД

За миг до кораблекрушенья,
Пуская сполохи ракет,
Во тьме заметишь на мгновенье
Ответный — столь же скорбный — свет.

Когда столкнулись в Палестине.
Был Селио само унынье,
И Клэрел, в очередь свою,
Терзался тяжкою тоскою
И у безумья на краю
Не находил душе покою.
Как двое страждущих в пустыне,
Сошлись они. Так диво ль в том,
Что стало легче им вдвоем
И веселее... Те врата
(Уж наступала темнота)
Увидел Селио — и к ним,
Волненьем радостным гоним,
Сквозь мрачный город устремился.
Дыханье распирало грудь.
Пред ним открылся Крестный Путь
И вид с нездешней красотой:

Там свод державно громоздился
Над улочною теснотой.
Он назывался Ессе Номо,¹
И, по преданию простому,
Здесь Агнца Божьего Пилат
Явил суду, по-волчьи злому.
...Захвачен зрелищем, объят
Восторгом, страхом, чувств разбродом
Встал итальянец перед сводом.
Вся скверна схлынула — и вмиг
Мир воссиял в значенье новом —
В значенье, истинном навек.
Там, наверху, открылся лик
Страдальческий в венце терновом,
И понял он: се человек.
Се человек, поднявший знамя
Вселенской скорби и забот,
Низведший наземь небосвод,
Сравнивший землю с небесами,
Се человек, поднявший глас, —
Сама судьба его устами
И к нам взывала, и за нас.
Но в страшный час, в смятенный час,
Когда небесный свет истаял,
Он возмутился, усомнясь, —
Отец, почто меня оставил?
Хула на Господа! Хула
И в нашем сердце ожила —
Хулим того, кто нас направил
На правый путь... А где залог,
Что рай — конец земных тревог,
Что рай нам станет отчим кровом?
Никто не даст душе ответ,
И ничего другого нет,
Как утешаться божьим словом.
Закон Природы — царь земной.
Но двуединство — Жизнь и Рок —
С веками Разум превозмог.
И вот, взгляни, перед тобой
Тот, кто переиначил ход
Истории... Се человек,
Перечеркнувший смертный грех,
Приняв на плечи смертный гнет.
Глаз от Тебя не отвести.
Ты любишь мир, его круша.
Ни уклониться, ни уйти.
Не верит ум — зовет душа.
Тобой распутанный клубок —
Любовь... Ты в бездне, ты в пути —

¹ Се человек (лат.).

Акула, а не голубок.
Природа и Господь — загадки,
А с иудеев взятки гладки.
Твердят: в сомненьях есть резон,
Раз нет пришествия второго.
Смятенья многовекового
Развеешь ли унылый сон?
Но если так, то отчего
Все, что мы ведаем, — мертво
С Твоим вероученьем рядом?
Все прахом кажется, распадом
И бездной без мостков над ней.
С первоапостольских столетий
По дни бессмысленные эти
Зияет пропасть все страшной.
Зачем она? Как получилось,
Что малостью сменилась милость,
Что сердце, полное любви,
Алчбой прониклось, одичало —
И утопило мир в крови,
Назвавшись Божьим изначала?
Яви нам вновь,
О Господи непобежденный,
Чей лик туманит кровь и кровь,
Яви нам щит с главой Горгоны
(Ее смертельная любовь
Творит из плоти камень сонный) —
Грози, терзай, калечь, казни,
Глумись над ними, как они
Глумились над тобой когда-то,
Чтоб, уstraшенный неизбежною расплатой,
Мир пал к твоим ногам, дотоле бесноватый.
Он резко отступил назад;
Свернув от величавых врат,
Он встретил пару богомолв
И понял: это ученик
С учителем... Первоглаголов
Известен одному язык,
Другой азы едва постиг,
Но полон рвенья... Речи их
Услышал Селио: «На местной
Дороге иудейский сброд
Глумился над Христом — и вот
Здесь он упал под ношей крестной.
С тех пор Израиль обречен
Скитаться до конца времен».
И Селио над камнем плит
Вздыхнул: «Не я ли Вечный Жид?»
И сразу же пустился в путь,
Чтоб горечь тайную стряхнуть.
Из городских высоких врат
Он вышел — и в Иосафат

Вступил... Кругом роились тени
Надгробий. Вечер наступил.
Был Иордана плеск уныл.
Он шел, пути не разбирая,
Не слыша предостереженья,
Какое стражники ему
Бросали вслед, в глухую тьму,
Ворота на ночь запирая.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ, ГЛАВА XXXV ВСТУПЛЕНИЕ

У Пиранези есть гравюры
(О них не часто говорят),
Где мысль теряется и взгляд
В намеках словно не с натуры:
Ряды угрюмых анфилад,
Где вроде рыскают лемуры —
Восходят вверх, темны, понуры;
Зияют рвы, скиты стоят
В строю, невысшимом, как ад;
Пропорции неуловимы,
Неясно, где передний план,
Видны колонны сквозь туман
И сами как бы в клочьях дыма, —
Но приглядишься, что там внутри.
Таинственны монастыри,
Еще таинственнее кельи.
Вздых сатанинского веселья
В воображение творца
Привнес дыханье вещей истин
И неизбежного конца —
И впрямь, такой удел завистен,
Хоть сам уход нам ненавистен, —
И кровью истекут сердца
Уже у входа в подземелье.
Пером прозренья — или сна —
Неправедность всего земного,
Сама его первооснова
Угадана и внесена
В ажурный лабиринт виденья —
Отчаянье и угнетенье, —
Хоть замысел восходит весь
К тому, кто здесь — но и не здесь.
Ночь над гравюрой проведи —
И вспомнишь изречение Павла
О том, что тайно дело Дьябла. —
И выдохнешь: «Не приведи»
Всему, что будет впереди.

А тот, кто грезит наяву,
Пропустит пусть сию главу,
Как свадьба пропускает дроги
При столкновенье на дороге.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, ГЛАВА XXXIV КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Где ни дороги, ни следа,
Там не ступаем никогда.
Везде проложены дороги.
Поодиночке и в толпе
Идем, куда несут нас ноги, —
Но повинуемся тропе.

Есть улица в Ерусалиме —
Нам хорошо известно имя,
Но так узка, но так тесна,
Что как бы вовсе не видна.
Следы работ и разрушений —
Труды премногих поколений —
Стирают облик старины.
Но от премногих изменений,
Верны и не замирены,
Холмы над нею не исчезли.
Название?.. Прошепчешь если
Два этих слова: «Крестный Путь»
И вспомнишь Пятницу Страстную —
Не изменившейся ничуть
Обрящешь улицу былую.

На Троицу сюда спешат,
Охвачены одним порывом,
Паломники. Пока ленивым
Пути не преградит закат —
Любуйся зрелищем красивым!
Здесь водоносы (спрос на них),
Евреи в шапках меховых,
Монахи серые в сутанах,
Рабы (согбен под ношей стан их),
Арабский бей и янычар
В тоске по дому; полны чар,
Магометанки под чадрую,
Степной наездник-бедуин —
И общей памятью святою
Весь этот пришлый люд един.

Дары садов в одной охапке
Несут усталые арабки,
Идут груженные ослы,
А длинношеее верблюды
Ждут окончанья кабалы,
Как христиане — божья чуда.
Здесь очутились все подряд,
Здесь всё теснится и витает,
Чем Рок на выдумку богат, —
И все на Крестный Путь вступают.

Но как отсроченная весть:
Кто Сей — их чайный учитель
И неприметный победитель,
Несущий неподъемный крест?
С высот заоблачных, с Масличной
Горы, он шепчет безразлично:
«Бегут по свету провода,
По дну морскому... но всегда
Безадресно, косноязычно»...
Из Гефсимании ночной
Пошел по улочке кривой —
И нет его во тьме столичной.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, ГЛАВА XXXV ЭПИЛОГ

День Лютера в год Дарвина растянут...
Надежды сгинут? Ужасы настанут?

Не тронут притязаньями эпохи
Античный сфинкс в таинственной тени.
Отчаянье грядет — с ним шутки плохи, —
И льются твердокаменные вздохи,
И на челе зияют наши дни.
Лишь Вера страхом нынешним не дышит
И, отверзая душу и уста,
На черепках былых скрижалей пишет:
«Дух выше праха» — вечный знак креста!

Что ж, обезьяна или Гавриил?
Хор ангельский — иль вопли из котла?
Наука, набирающая сил
Лишь для того, чтоб землю сжечь дотла.
Звезды и Тучи схватка — ей конца
Не будет, если в мире нет Творца.

В свой микроскоп уверовал простак:
Свет все светлей, все непроглядней мрак.
Танталовы — иначе не назвать —
Испытываем муки: в рот не взять
Того, чем захотели обладать.
Паломничество — вот земной удел,
Единственно завидный. Жизнь в пустыне.
Смерть не предел, и сумрак поредел
Пред тем, кто пал несуетно к святыне.

Блажен, кто сомневался, но поверил.
Поэтому надейся, бедный Клэрел, —
Пусть сердце расцветет кустом в снегах,
Пусть вырвется пловцом из бездны моря,
Пусть пламенной тайною впотьмах
Горит в груди еще под гнетом горя.
Еще не поздно выплыть в те края,
Где смерть сама — победа Бытия.

Из сборника «ДЖОН МАРР И ДРУГИЕ МАТРОСЫ» (1888)

ДЖОН МАРР

Перевод С. Степанова

Ночную вахтой, братцы, снова
Стоите молча почему
Передо мною — и ни слова?
Вспарывая криком тьму,
Раньше глоток не щадили —
Океан в ушах шумит! —
Марсель весело крепили:
В шторме жизнь! И пусть што рмит!
Жизнью вы не дорожили —
Ваша жизнь у вас в руках!
Вы по-детски, просто жили —
Счастье ваше в парусах!
Буревестники на воле —
Куропатки на приколе...

Нет, как и песни прежних дней,
Вы сердцем старым не забыты —
И дружба наша все тесней.
Со мною вы навеки слиты

И юны в памяти моей!
Приливом, двинувшимся вспять,
Явились вы ко мне опять —
И лица ваши чередую
Во мгле всплывают предо мною,
Как сон, который не прогнать.

Моряки по духу братья!
Всех бы заключил в объятия!
Но разъяты морем вы,
Как пуки морской травы...
Не сумею вас собрать я —
Что могу, когда без сил
Ветер к берегу прибил?

Тенями пусть, но в час заката
В беде не бросили вы брата —
Явились дружною толпой:
С наколкой этот, тот с серьгой...
Просты и дики ваши души —
Вы миру пасынки на суше.
И вот вы все пришли ко мне —
И те, кто жив, и кто на дне!

Эй, купцы! Куда вы мчитесь
В Желтом море штормовом?
Китобои! Не боитесь
Схватки с раненым китом?
Что, военные? Отбой?
Или дробью барабана
Над пучиной океана
Вы ведомы в смертный бой?
Если брата вдруг волнами
Смоет за борт в злую ночь,
Не стойте ль с фонарями,
Чтоб хоть чем-нибудь помочь?

Лишь тех, зашитых в мешковину
Иль в старый парус, пушкарей
Команда «Все наверх!» не в силах
Поднять от сна со дна морей.
И трубами из черных вод
Не вызвать никого —
Но, если сердце вас зовет,
Вы слышите его!
Оно зовет... В закатный час
Я подле мачты вижу вас —
Так спойте мне еще хоть раз!

ЗОЛОВА АРФА В ПРИБРЕЖНОЙ ГОСТИНИЦЕ

Перевод Д. Шнеерсона

Стон стекла под ветром шквальным,
Словно арфы скорбной стон,
Вот в немислимом крешендо
Взмыл и вновь сникает он.

Это мнимость. Нам же в Яви
Горше скорбь и величавей
Ариэль открыл. И вот
День тот в памяти встает.

Ладной оснасткой ветра зазывая,
Из Аликанта идет «Фокион»
В Балтимор. Синь океана живая
Синью небес неподвижной объята.
Вдруг, наш фор-марсовый сам изумлен:
«Бог мой, корабль! Нет, он был им когда-то!»

Без мачт и без руля,
Давно забывший чащи
Снастей, дрейфует он —
Так плыл бы крэкен спящий —
Не радуясь ветрам,
Не замечая штилей,
Без экипажа, сам,
Он поглощает мили.
Без имени — с фальшборта
Давно вся краска стерта,
Лишь в трюме верный груз
Лежит — сосновый брус.

Так и жив плавучий остов
Сплошь в коросте из наростов;
День за днем он дрейфовал,
Мхом зарос резной штурвал,
Дрейфовал, плетя из тины
Шлейф осклизлый, бурый, длинный,
Ночь за ночью плыл во мраке,
Плыл без факелов на баке,
Плыл без колокола он,

Скорбный предвещая звон.

К столкновениям готовый, —
Что ему страшиться течи,
Коли в трюме брус сосновый, —
Встреча с ним — со смертью встреча!
Гибельней подводных рифов,
Ведь на якорь не встает он,
Затаившийся в засаде
Вечной, все вперед плывет он.

О корабли, в подводные ущелья
Сошедшие, о вас молчит молва!
Выплакивает арфа Ариэля
То, что не в силах выразить слова!

ВДАЛИ ОТ БЕРЕГА

Перевод С. Сухарева и С. Шик

Волны плот пустой несут:
Будто флаг,
Бьется на ветру лоскут —
Бедствий знак.

«Где вы, где вы?» — птичий стон
Над водой;
И встает, как испокон,
Вал морской.

МАЛЬДИВСКАЯ АКУЛА

Перевод В. Топорова

Акула — пьяница морей —
Апатией больна,
А рыба-лоцман рядом с ней
Целеустремлена.
Ей не страшна акуля пасть
И голова Горгоны,
Она в сторонке шасть да шасть —
Но целеустремленно.
Она порою проскользнет

Меж самых челюстей,
Но створ чудовищных ворот
Не сходится на ней.
Что ест она? Не знаю сам.
У них с акулой дружба.
Добыча ей не по зубам,
Зато по нраву служба.

КАМЕШКИ НА БЕРЕГУ

Перевод О. Юрьева

I

Пусть в Палате Погод на года
Погодный закон разочли до сотых,
Но чайка с бакланом всегда
Знали, что дует ветер туда,
Куда вихрем несет их.

II

Веры — стары, но в смене мод
Ветшать назначено ученьям.
Но Орм от учений к морю ушел
И к Раковине — древнейшей, какую нашел —
Ухом приник со смиреньем.
Тут Голос — дальний, ровный гул —
Дрогнет ли он? сорвется ль с тона?
Его породила Пучина Морей —
И Истина, самотожественная непреклонно.

III

В расщелинах текучих скал
(Голубые Горы — к хребту хребет)
Слух оглушен — он эха искал,
Но эха в морях нет,
Там жизни голос гаснет без следа,
С ним — сердца чайные и разума мечта.

IV

Воле волн, что флот несметный подгоняют к битве смертной,
Человек на милость отдан — мученик немилосердный.

V

Я — древнее безжалостное Море:
Я тем безжалостней, чем больше кроткой ласки
В моем, крушеньями не сытом, взоре.

VI

Тот вон вздыбленный гребень огромного вала
Не драконий ли рог, шлющий вызов гор?#233;?
Неудержно безумные воды ярятся —
Но голубка в гнезде и Христос на Горе!

VII

Я славлю, исцелен, безжалостное Море —
Четверку ангелов, властителей пучин;
Целебно даже их жестокое дыханье,
Где свежесть той росы, чье имя — розмарин.

Из сборника «ТИМОЛЕОН И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ» (1891)

РАЗОРЕННАЯ ВИЛЛА

Перевод М. Карп

От ваз остались черепки —
Распались танца звенья,
Где солнечный играл фонтан,
Развал и запустенье.
Меж лавров разрослась трава,
Паук опутал кроны,
И в печку брошен Аполлон
На известь для Маммоны.

НОЧЬ РОЖДЕНИЯ МАРКГРАФА

Перевод О. Юрьева

Снизу, от долин измерзших,
От седых лесов,

Сверху, от косматых взгорий,
Льется бубенцов

Звон веселый — в такт усталой
Поступи коняг,
Что везут крестьян понурых
Под овчинами в санях;

А как съехались к месту,
Вылезли тотчас
И снежок сшибают с шапок,
На дворе топчась

Прямо пред маркграфским замком,
Где из года в год
Праздник — ночь его рожденья —
Средь зимы их ждет.

Зал — весь в ветках остролиста!
Весь в свечах — престол!
Званных — что по веткам ягод,
Звавший — не пришел!

Сладко ль подданным на пире
От таких примет:
Пуст престол, недвижна чаша —
Знать, владыки нет!

Хор поет... Гостей обходят,
Всем служба равно,
А у той, ничейной чаши,
Как заведено,

Древний, важный чин справляют;
Но к гостям сойти
Добрый граф не соизволил
Милосердьем во плоти.

Но никто и не помянет
Имени его;
Пыль на чаше, на престоле —
Что им до того?!

Отчего он не явился —
Не томит гостей:
Немы, как одры мужичьи
У золотых яслей.

Ах, весь год труда искупит
Эта ночь, когда
Черный хлеб творится белым,
И вином — вода.

САД МЕТРОДОРА

Перевод С. Степанова

Мох на столпах аттических ворот —
Здесь дом в зеленых зарослях таится.
Но кто в безмолвии живет?
Счастлив или печален тот,
Кто пожелал от мира удалиться?

Здесь дышит все немою тишиной;
Никто здесь не гуляет по аллеям...
Кому же мил удел такой?
И благо или зло покой,
Который здесь со тщанием лелеем?

СПЯЩИЕ КРЕСТЬЯНЕ

Перевод Д. Закса

Мне вспомнились ночью фламандцы-пьянчуги,
Крестьяне у Тенирса на полотне.
(Мысли гнетут,
Спать не дают...)
В убогой лачуге расселись пьянчуги,
Зевают и носом клюют.

Хлебнув на досуге, уснули пьянчуги,
Им в душной каморке уютно вполне.
(Мыслей галоп —
Боль и озноб...)
В убогой лачуге пригрелись пьянчуги,
Сдвинув шляпы на лоб.

Бессонный, я вижу — блаженны пьянчуги,
Глаза их пустые прикрыты во сне.
(Мыслей тиски
Ломят виски...)
В убогой лачуге хмельные пьянчуги
Спят, и сны их легки.

ПОДВИЖНИК

Перевод М. Карп

Вот, Он убивает меня;
но я буду надеяться.

Сердца, что в бой зовут за собой,
Полны молодым задором,
Неужто дрогнут в споре с судьбой
И страх не сочтут позором?
Неужто, избравши свет,
Его осквернят сиянье,
Ничтожным на поруганье
Предав свой прежний обет?

Неужто Время, все сокруша,
Сломает нас? Неужели
Вдруг к торгашам метнется душа,
Об их возмечтав уделе?
Обрушится ль веры столп,
Забыв в испытаньях рока,
Что Правда так одинока
Средь вымыслов шумных толп?

Горит по воле Цезаря флот,
Пожар милей пораженья!
Так пусть все узы огонь пожрет,
Коль в узах лишь искушенье.
Не гнись под натиском бед,
Пусть мглу победит отвага,
Хоть свет предаст, а присяга
Все та же: да будет свет!

ИСКУССТВО

Перевод В. Топорова

Не зря считается игрой
Абстрактного мышленья строй.
Но форму дать и жизнь вложить
В то, что без нас не стало б жить,
Расплавить пламя, лед зажечь
И ветер мрамором облечь,
Унизиться — но презирать,
Прозреть — но точно рассчитать,
Любить — и ненавидеть, чувство
Иакова — вступая в бой
Хоть с богом, хоть с самим собой —
В себе лелеять, — вот искусство.

В МАНСАРДЕ

Перевод С. Сухарева и С. Шик

София — пышный исполин —
Взметнулась в вышину:
Искусство! Мне — твоих глубин
Жемчужину одну.

В КАНАЛЕ

Перевод М. Карп

Покой и зной, всевластье сна,
Стоит сиесты тишина,
Как в океане — штиль;
Вот так же воздух был сонлив,
Когда убила, заманив,
Сисару Иаиль.

Мой гондольер ленив и вял,
Но вдруг конец весла шального
В старинный стукнулся портал,
В ответ — щелчок засова!
Решетка звякает — бог мой!
Там, наверху, — призыв немой,
Как дивно этих глаз сиянье
Как страшно взгляда заклинанье!

Знал я опасности роковые —
Гнев человека, ярость стихии,
Был в чреве морском,
Меж белой акулой и черным китом;
Во вражеский тыл пробирался тайком,
И неотступно мне вослед,
В проказе с головы до пят,
Брели, обнявшись, Зависть и Навасть.
Все так. Но этот взгляд...
«Эй, гондольер! Ты спишь? Проснись!»
И тотчас прочь мы унеслись.
А я все думал, вот так штука,
Здесь оскандалилась наука,
Сирены водятся на свете,
Сирены встречным ставят сети!

Позор бежать от девы злой?
Но есть тому примеры!
Улисс бежал — мудрец, герой
И сын самой Венеры!

ПАДАЮЩАЯ БАШНЯ В ПИЗЕ

Перевод М. Карп

Вся башня — кружево аркад
И ярусов круженье,
Строй невесомых колоннад —
Строителя свершенье,
Кренясь, застыла на ходу
И ждет, напряжена:
Рвануться? Высота страшна.
Отпрянуть? Мчать с разгона?
Держа себя, борясь с собой,
Дрожит над бездной роковой,
К самоубийству склонна!

ПАРФЕНОН

Перевод Д. Закса

ПОКАЗАВШИЙСЯ ВДАЛИ НА ХОЛМЕ

Далекий,
Согретый солнцем, белый, легкий,
Как облако взираешь ты
На озаренный дол.
Тебе прибавил красоты
Столетий ореол.

II УВИДЕННЫЙ ВБЛИЗИ

Ты схож с Лаисой. Прихотливы
Карниза тонкие извивы,
И крен колонн, и переливы
Теней. Но восхищенный взгляд,
Твои спрямив черты,
Здесь видит чистых линий ряд
Чудесной красоты.

Спинозы мысли справедливы:
Единым зодчим рождены вы —
Она и ты!

III ФРИЗ

Каким мечтам, виденьям чудным
Внимал резец, касаньем чутким
Навек запечатлев
Коней азарт и грациозность,
Их укротителей серьезность
И кротость юных дев,
Очерченных рисунком нежным,
Подобных птицам белоснежным,
Что замерли, взлетев.

IV ПОСЛЕДНЯЯ ПЛИТА

Едва она на место встала,

Утихли птицы, смолк прибой.
На камень сел Иктин устало.
«Перикл, — Аспазия сказала, —
Зенит Искусства пред тобой!»

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Перевод М. Карп

Не величие, не роскошества —
Гармония глыб,
Не своенравные новшества —
Но схваченный Архетип.

ИЗ ПОСМЕРТНО ОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ АМЕРИКАНСКИЙ СТОЛЕТНИК НА ВЫСТАВКЕ

Перевод А. Миролюбовой

Говорят, будто это растение цветет раз в столетие, однако всякий знает, что подобное мнение — лишь предрассудок, связанный с миром цветов. Если цветение и задерживается на десятилетия (обычно оно происходит раз в восемь-десять лет), это связано с климатическими условиями или составом почвы.

Влекло немногих торжество
Столетника в цвету,
Хоть в десять центов лишь была
Цена за красоту.

Что до цветка — он свысока
Взирал на всех подряд,
Вот так же отрешенно пуст
Зверей в неволе взгляд.

Но все ушли, огни зажглись,
И смерклись небеса.
«Сбылось! Но не по мне пришлись
Вы, гордость и краса! —

Промолвил изможденный куст. —
Теперь я всем знаком,
Но сколько роз цвело, меня

Считая сорняком!»

БИСЕР ИЗ РОЗАРИЯ

Перевод Н. Рябовой

* * *

Вы, кто поставил Розам храм,
Молитесь в нем сейчас.
Ведь лишь исчезнет фимиам,
Все стены рухнут враз.

* * *

Купите Розу, ей цена
Лишь несколько монет.
И чтоб цвела в саду она,
Премудрости в том нет.
Страсть к Розам не напрасна:
Вам белой розой станет хлеб,
А мясо — розой красной.

* * *

Крадет пустыня, точно вор,
Ваш сад за пядью пядь.
Поставьте поскорей забор,
Чтоб розы не отдать.

ПРИНЕСЕННЫЕ В ЖЕРТВУ

Перевод Н. Рябовой

Вы — дети тех счастливых лет,
Когда Она вошла в мой дом,
Вернувши миру яркий цвет,
Как радуга дождливым днем,
Я вас лелеял и берег,
Растил в раздолье луговом.
Так не бросайте ж мне упрек
За ревность к миру, что в себе
Я успокоил лишь теперь,
Вас заперев в моей судьбе

И запечатав плотно дверь,
Чтобы отныне наглый вор
Не мог похитить ничего,
Чтоб не прочло вам приговор
Толпы тупое торжество.
Спасая от недобрых глаз,
Пусть крепче ночь обнимет вас.

АРХИПЕЛАГ

Перевод С. Сухарева и С. Шик

Плыви в час утренней прохлады,
Минуй безлюдные Киклады:
Пустынны сонные громады —
Где те, что жили тут?

Сияет солнце с небосклона,
Но Делос пуст без Аполлона,
Не молит Селкирк исступленно
Защиты у Творца.

Когда Тезей, подобно Рэли,
К неведомой стремился цели,
Тогда цвели и зеленели
Все эти острова.

Но даже в скорби запустенья
Они, прекрасные с рожденья,
Напоминают дни творенья,
Когда весь мир был юн.

И совершенством неизменным
Напоминают взорам бранным
О празднестве самозабвенном,
Когда царил здесь Пан.

То Полинезия нагая —
Но где благоуханья рая?
Им дышит тишина благая
Маркизских островов.

КЛЕВЕР

Перевод О. Мартыновой

Ты краски радости даришь
Полям в начале лета;
Ты грудь Зорянки озаришь,
Расцветишь лик Рассвета.

УСТАРЕВШИЙ ХАРАКТЕР НА ВЗГЛЯД БОЯЗЛИВОГО

Перевод Д. Закса

Он в Ламанче томится,
В пыли бородка и платье;
Мается и томится,
Одно у него занятие:
В фолиантах потрепанных рыться.
Он кодекс составил
Рыцарских правил:
Страдальцам на помощь приди,
Умри, но зло не щади!
Так стареет он и хиреет,
А любой бакалейщик почтенный
Толстеет прилежно, светясь безмятежно
Дурацкой улыбкой блаженной.

КАМОЭНС

Перевод А. Миролюбовой

I СНАЧАЛА

Вперед, вперед, нет отдыха в пути:
Чтоб в Хаосе Гармонию найти,
Деяньем величайшим Бога чти.
В подлунной изобильна красота,
Миры иные сотворит мечта,
Мысль тему ловит — и поют уста.
Пусть светлый пламень ярче полыхнет,
Пусть, из песка людских страстей и злобы

Расплавив золото самой чистой пробы,
Сияньем стройным тронет небосвод
И до пределов Эпоса дойдет.

Камознс в госпитале

II ПОТОМ

На что теперь твой проржавевший меч
И эти отгремевшие сраженья?
Средь низости как можно уберечь
Высокий жар и силу песнопенья?
Где стройного огня струился свет,
Недужной страсти нынче темен бред,
Навек пропал былых мелодий след.
Безжалостным трудом лишенный сил,
Толпою ты врасплох застигнут был:
В наветах, в клевете померкло пламя.
А затоптавшие огонь святой —
Те сил не тратили на звук пустой,
Они достойно путь свершали свой,
Чтя Господа полезными делами.

УСТАВ РАЗУМА

Перевод С. Сухарева и С. Шик

Разум измыслил порядок такой?
Разум видел Утопии сон пустой,
Но разумно ли думать о том, что Разум
Подчинит человека своим приказам?

МОНТЕНЬ И ЕГО КОШЕЧКА

Перевод А. Миролюбовой

Киска, опустел наш дом!
Подурачимся вдвоем —
Человек и кошка,
Бланш, похожи мы с тобой:
Мы воспитаны в одной
Школе — без зубрежки.

Сгиньте, слава и почет,
Книги и наука,
Нудных нужд круговорот,
Долгих дел добука.
Хоть работай, хоть резвись —
Не прожить без боли жизнь.

Бантик завязать позволю!
Орден этот сам король
На парадный мой камзол
Мне когда-то приколот.

Бланш, сегодня день хорош...
Как-то завтра заживешь?
Все ли завтра будет ладно?
Стало бы тебе отрадно
В нашей вечности громадной?
Фи! Но мы горды без меры
И не пустим в наши сферы
Зайцев, кошек, голубей,
Будь они снегов белей.

Но раздумия скучны
И в забавах не нужны:
Их отложим мы пока,
Чтоб душа была легка.
Бланш! мудрец, кто бед не множит
И дурачится, коль может!

САМОРОДКИ

Перевод Н. Рябовой

«А самородков, — бросил сплав, —
Теперь почти что нет».
Мне жаль, но он, наверно, прав.
Смотрю на желтый свет,
На мой мерцающий камин —
Вдруг самородки прежних лет
С их блеском самородных вин
Мне вспомнились опять:
Гораций, Беранже, Хафиз —
Вот ловкость: не сорвавшись вниз,
Взлететь стремительней комет —
И нам их не догнать.
Мы только смотрим вслед,

Танцую там, где были их могилы.
А плод под солнцем набирает цвет,
И зреет память, набирая силы.

ПОНТОСУК

Перевод И. Копостинской

Над светлым озером, обрыв венчая,
В тумане колоннада стройных сосен,
Что, будто в замок путь приотворяя
Безмолвно созерцают осень...
Из глубины аркад, в тени ветвей
Люблю смотреть на свет полуденных лучей.

За озером, в холмистых далях
Поля, поля из давних пасторалей,
Амбар среди дорог и серпантина
Тропинок, что, вясь среди лесов,
Приютам ткут легенды паутину,
Где камни помнят эхо очагов...
Там гор вдали чуть зримы очертанья
Как бы в прозрачном воздухе прощанья...

Взгляни, в снопах пшеница на полях,
Деревьев томное безмолвие в садах...
Здесь очарованность природы,
Что, щедро одарив пространство,
Верна приметам постоянства,
Под сенью ласкового свода
Полулежит в небрежной позе,
Задумчиво предавшись грезе...

В листве коричневой аркады
Так нежны все оттенки сада,
Что ярко светятся на воле...
Но мысль, как из старинной роли,
Что, как соринку, не отринешь,
Нет... и на полку не задвинешь —
Здесь осени очарованье
В печальной прелести вдовства,
Что блекнет, как воспоминанье,
Обвеяв грустью колдовства...
Где та листва теперь, что тлела
В той осени, слетая в ночь несмело...

Все умирает!..

Станет тленом...

Но, чтоб забыть, что жизнь мгновенна,
Вернулся я в свечение сада
Под сень коричневой аркады...
На просеке, средь почвы мшистой,
Останки сосен золотистых
Узрел я... Прежде их колонны
Здесь теплились так благосклонно!

Все умирает... Ждет забвенье
Не только сад, людей, мечты,
Но и прекрасного черты,
Душ благороднейших свершенья.

Все умирает!

Умрет и мастер, и сонет,
Как сосны, канув в забвенье...
Творца и мрамор ждет небытие,
И выпьют черви амаранта цвет...
И даже звезды, если верить халдеям, отгорят
свое.
Здесь Анды не солгали нам
О хаосе, куда упал Адам...
И прячет подо мхом Природа
Следы времен, лелея всходы.

Но все ж — взгляни!

Иди тропой,
Где тень и свет так безоглядно
Слились, воспеты тишиной,
И в бледных проблесках восхода
Так чисто, розово, прохладно,
К сосне прильнув, молодые всходы
Здесь в землю корешки вплетают
Сквозь обветшалых листьев слой
Средь веток, вспыхнувших зарей...
Она ж ноет, как будто уплывая:

«Все умирает, умирает!
Трава истлеет, но вешний дождь

Ей возвратит цветенья дрожь...
Придет, прильнет цветенья дождь,
Жизнь, умиранье, цветенья дрожь.
Но кто вздыхает, что все умирает...
Летом, зимой ли — все жизни схожи,
Боль, наслажденье в царстве Божьем...
Гибнем, да... Но цветенья дрожь
Ярче, слабее, в пути, в бездорожье
Вновь дарит жизнь, презирая ложь.
Снова и вновь — этим мир и хорош...
Жизнь, умиранье, но преображенье в цветенья
дрожь!»

Она качнулась, склонясь надо мной,
Нежней запела, искрясь росой:
«Поскольку тень и свет равны,
Все круг свершает день за днем...
Но плачете вы... И вы так бледны,
Увы, исчезает все, чего ждем...
Идем, идем!»

Меня коснулось губ тепло,
Я задрожал, но ее ожерелье
Прильнуло, увлажнив чело,
Обвеяв свежестью и прелью
Побегов и теплом мгновенья
Любви повенчанной и тленья.

Юрий Витальевич Ковалев **ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТИХОТВОРЕНИЯМ И ПОЭМАМ Г. МЕЛВИЛЛА**

Судьба поэтического наследия Германа Мелвилла не менее удивительна, чем судьба его прозаических сочинений. Современники в большинстве своем даже не подозревали, что он не только романист, но еще и поэт. Здесь нет ничего удивительного. Из четырех поэтических книг, увидевших свет при жизни писателя, три были изданы за его собственный счет крохотными тиражами.² Многочисленные стихотворения остались в рукописи и пролежали в архиве Мелвилла более тридцати лет. Только в 1924 г. они были собраны и опубликованы отдельной книгой под невыразительным названием «Стихотворения».

Мощный расцвет популярности Мелвилла в 20-е гг. странным образом не пробудил интереса к его поэзии. Романы его переиздавались неоднократно, стихи — почти не переиздавались вовсе. Лишь в 1938 г. Уиллард Торп в предисловии к однотомнику избранных сочинений Мелвилла обратил внимание читателей на то, что поэзия его тоже может представлять интерес. Замечание это было чисто умозрительным, поскольку тексты поэтических сочинений Мелвилла оставались недоступны читателям.

Только в 1944 г. выдающийся американский критик Ф.О. Матиссен подготовил и

² Так, например, «Тимолеон» и «Джон Марр» были отпечатаны в количестве 25 экземпляров.

опубликовал томик «Избранных стихотворений» Мелвилла, снабдив его вступительной статьей. Усилия Матиссена поддержал знаменитый поэт и романист Роберт Пенн Уоррен, напечатавший в журнале «Кенион Ревью» статью, послужившую, как он сам выразился, дополнением к усилиям Матиссена. Сдвоенный авторитет Матиссена и Уоррена сработал. Критика взялась за изучение поэтического наследия Мелвилла. Появились комментированные издания его стихотворений и поэм. Все это, разумеется, случилось не в один момент, и только в 60-х гг., благодаря усилиям ряда литературоведов (и в первую очередь Хеннига Козна) американские читатели смогли основательно познакомиться с поэтическим творчеством Мелвилла.

Мы не знаем, когда именно Мелвилл написал первое свое стихотворение. (Мы не берем в расчет малохудожественные стихи в тексте «Марди», которые он и сам за стихи не считал.) Есть основания полагать, что он обратился к поэзии, лишь окончательно «рассчитавшись» с прозой, то есть в 1856 г.

Известно, что по разным обстоятельствам объективного и субъективного порядка писатель решил тогда оставить профессиональные занятия литературой, хотя бы на время. Существенно, что решение это пришло к нему не на склоне жизни. В 1856 г. Мелвиллу было тридцать семь лет. Интеллект его все еще набирал силу; философское осмысление бытия становилось глубже; противоречия и проблемы жизни, взятые на социальном и личностном уровнях, продолжали составлять предмет постоянных и напряженных размышлений писателя. Как и у многих других романтиков, мысль его нередко замирала перед явлениями, не поддававшимися исследованию и объяснению в рамках романтической идеологии и философии; она теряла четкость, однозначность, последовательность, становилась амбивалентной, внутренне противоречивой, не всегда уловимой. Но какова бы она ни была, она требовала воплощения в слове и, в силу своей специфики, тяготела к поэзии как к наиболее адекватной в данном случае форме словесного выражения. Можно сказать, что основным направлением в поэзии Мелвилла на протяжении более чем тридцати лет оставалась философская лирика, независимо от того, отливалась его мысль в форму короткого стихотворения или распространялась до масштабов такой бесконечно длинной и бесконечно сложной поэтической метафоры, как поэма «Клэрел», поразившая современников тем, что вдвое превосходила по объему мильтоновский «Потерянный рай» и была издана в двух томах.

Философский уклон поэзии Мелвилла вовсе не означал полного отрыва ее от конкретных событий личной жизни поэта, равно как и общественно-политической жизни его родины. Первый его поэтический сборник («Батальные сцены, или Война с разных точек зрения», 1866) являл собой поэтическое отражение Гражданской войны и, само собой разумеется, осмысление. В основе «Клэрела» лежит автобиографический опыт писателя, совершившего путешествие в Палестину в 1857 г. «Джон Марр и другие матросы» (1888) опирается на широчайшие познания Мелвилла в области морской жизни, почерпнутые в основном из собственного опыта. В «Тимолеоне» (1891) получили отражение впечатления от поездки по Греции и Италии. Мелвилл использовал здесь даже стихотворные зарисовки и дневниковые записи, сделанные во время путешествия.

Заметим, однако, что конкретные обстоятельства, события, факты редко бывают единственным или хотя бы основным содержанием стихов Мелвилла. Почти всегда они выступают как повод для размышления, как частный случай, как единичное проявление общего закона, который подлежит осмыслению.

Среди историков литературы господствует убеждение, что Мелвилл не был выдающимся поэтом и что, во всяком случае, поэзия его не идет ни в какое сравнение с прозой, хотя в поэтическом наследии писателя можно обнаружить довольно много удачных стихотворений. С этим следует согласиться.

Пытаясь выяснить причины неудач Мелвилла на поэтическом поприще, американские критики в большинстве своем придерживаются мысли, что вся беда проистекает из того, будто писатель пытался соединить реалистическое осмысление действительности с романтической поэтической техникой («как у Вордсворта»). И вот с этим согласиться решительно

невозможно. Мелвиллу было недоступно реалистическое осмысление действительности, и в этом была его трагедия. А сближение критиками его поэтической техники с поэзией Вордсворта, Кольриджа или даже Брайанта — совершенно произвольно.

Тексты стихотворений Мелвилла и первые печатные отклики на них, где зафиксирована реакция современников, свидетельствуют о том, что писатель пытался уйти от традиционной романтической поэтики. Он «варварски обращался» с размером и рифмой, «непозволительно сближал» поэзию с прозой, свободно располагал строки, злоупотреблял разговорной лексикой, интонацией и т. п. Откуда все это? Неужто от неумения? А может быть, Мелвилл искал новых путей в поэзии, как это делал Уитмен?

Поразительно, но факт: американские критики, за единственным исключением В.В. Брукса,³ почти никогда не ставят рядом имена Мелвилла и Уитмена, хотя, казалось бы, все вплоть до «магии чисел» побуждает к этому. В самом деле: Уитмен родился 31 мая 1819 г., спустя два месяца родился Мелвилл. Мелвилл умер 28 сентября 1891 г., ровно через полгода умер Уитмен. Они прошли по XIX в. рука об руку, начав и закончив свой путь чуть ли не «день в день». Молодой Уитмен рецензировал сочинения молодого Мелвилла («Тайпи», «Ому»), и очень может быть, что «Моби Дик» подтолкнул его на путь к «Листьям травы». В 1856 г. Уитмен выпустил второе издание «Листьев травы» (первое прошло почти незамеченным), а Мелвилл написал первые свои стихотворения.

Напомним, что второе издание «Листьев травы» наделало много шума, поскольку Уитмен воспроизвел в нем неосторожное письмо Эмерсона (не предназначенное для опубликования), воздавшему молодому поэту неумеренную хвалу. Не было газеты или журнала, которые не упоминали бы уитменовского сборника и не комментировали бы письмо Эмерсона. В этих обстоятельствах трудно предположить, что Мелвилл не познакомился со стихами Уитмена. И очень может быть, что опыт Уитмена открыл Мелвиллу новые возможности поэзии и побудил его к сочинению стихов.

Если это так (а это скорее всего именно так), то поэзию Мелвилла следует рассматривать в русле новых поэтических исканий, вдохновленных примером Уитмена. Каждого из них критика обычно представляет «одиноким гением». А они шли рядом и, как выясняется, делали общее дело. Мелвилл не достиг уитменовских высот в поэзии. Что ж, Уитмен тоже не достиг мелвилловских высот в прозе. Каждому свое.

ПРИМЕЧАНИЯ

Составители: Е. Апенко, Н. Наказнюк

Из сборника «БАТАЛЬНЫЕ СЦЕНЫ, ИЛИ ВОЙНА С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ»

Шенандоа — долина легендарной красоты и плодородия в Виргинии. Во время Гражданской войны 1861–1865 гг. неоднократно становилась местом проведения боевых действий.

Джон Браун (1800–1859) — убежденный аболиционист, после нападения на арсенал в Харперс-Ферри, штат Виргиния, был обвинен в подстрекательстве рабов к мятежу и предательству, осужден федеральным судом и повешен.

Болс-Блафф — поселок в Виргинии, на реке Потомак, где 21 октября 1861 г. попал в засаду и был разбит полк северян.

Донелсон — форт в западном Теннесси на берегу реки Камберленд. Штурм оплота южан начался в среду 12 февраля 1862 г. и закончился капитуляцией гарнизона в воскресенье 16 февраля.

Грант Юлиссес Симпсон (1822–1885) — командующий вооруженными силами Севера

³ В 1947 г. Брукс опубликовал книгу под характерным названием «Времена Мелвилла и Уитмена».

во время Гражданской войны.

...синяя бумага ... — В начале войны на Севере остро ощущалась нехватка многих промышленных товаров, в том числе и бумаги, поэтому использовались довоенные запасы оберточной бумаги для сахара густо-синего цвета.

Моррисон Уильям Роллз (1824?–1909) — участник сражения при Донелсоне, был ранен, атакуя редут конфедератов.

Медный Лоб — прозвище демократов-северян, противников войны с Югом.

Коммодор — Эндрю Х. Фут (1806–1863) — морской офицер, командовал флотилией из семи кораблей, которая принимала участие в битве при Донелсоне. Был ранен во время сражения.

...приветами, поскольку нынче Валя ... — 14 февраля, в день св. Валентина, влюбленные обмениваются нежными письмами.

Банкер-Хилл. — Монумент на Банкер-Хилл открыт в 1843 г. в память о первом крупном сражении американской Войны за независимость (1775–1783).

Льюис (Лью) Уоллес (1827–1905) — генерал армии северян, известный своей смелостью.

Утилитарный взгляд на бой «Монитора» . — Стычка между броненосцем северян «Монитор» и броненосцем южан «Мерримак» произошла 9 марта 1862 г.

Шайло . — Битва у селения Шайло, штат Теннесси, в апреле 1862 г. была одним из крупнейших сражений Гражданской войны.

Малвернский холм — возвышенность на левом берегу реки Джеймс, штат Виргиния. Сражение на Малвернском холме началось 1 июля 1862 г. Потери армии конфедератов составили свыше 5500 человек, северяне потеряли убитыми и ранеными около 2000.

Мак-Клеллан Джордж Бринтон (1826–1885) — в начале войны играл главенствующую роль в вооруженных силах Севера. В 1861–1862 гг. стал виновником нескольких чувствительных поражений, доказав тем самым свою несостоятельность в качестве полководца. Открыто симпатизировал рабовладельцам, в 1864 г. съезд демократов выдвинул его кандидатуру на президентских выборах.

Ричмонд — столица Виргинии.

Взгляд из Оксфордского монастыря . — В мае 1857 г., во время поездки в Англию, Мелвилл посетил Оксфорд. Заглавие стихотворения указывает на его основную тему — сравнение Гражданской войны в США с войной Алой и Белой Розы (1455–1485), в результате которой династии Ланкастеров и Йорков, претендовавшие на английский престол, истребили друг друга и к власти пришла династия Тюдоров.

Тьюксбери, Барнет-Хит — места решающих битв войны Алой и Белой Розы в апреле — мае 1471 г.

Роузкранц Уильям (1819–1898) — командовал войсками северян в битве на Каменной реке.

Брекенридж Джон (1821–1875) — командовал отрядом, прикрывавшим отступление южан.

Стоунвол Джексон . — Генерал южан Томас Дж. Джексон (1824–1863), прозванный Стоунвол — Каменная Стена, был смертельно ранен 2 мая 1863 г. под Чанселорсвиллем, штат Виргиния, собственными часовыми, которые приняли его отряд за кавалерию федералистов.

Шеридан Филип Генри (1831–1888) — генерал армии северян, победил в сражении у Седар-Крика, штат Виргиния, 19 октября 1864 г.

...Разгул кощунственного Мятежа. — Мятежи в Нью-Йорке были вызваны публикацией 11 июля 1863 г. списков лиц, подлежащих обязательному призыву в армию.

Дракон (VII в. до н. э.) — афинский законодатель, с именем которого связана древнейшая кодификация установлений гражданского права.

Кальвин Жан (1509–1564) — деятель Реформации, основатель кальвинизма, согласно которому бог предопределяет одних к вечному блаженству, других — к вечному мучению, и человек бессилён изменить предопределение.

...*И римский сан, не терпящий кнута* — реминисценция из Нового завета (Деян., 16:37–38, 22:25–29).

Болотный Ангел . — 22–23 августа 1863 г. северяне начали бомбардировку столицы Южной Каролины Чарлстона. Восьмидюймовая пушка, которую солдаты называли Болотный Ангел, сделала 36 выстрелов зажигательными снарядами с расстояния почти восемь километров.

Мученик. — Президент США, национальный герой Авраам Линкольн (1809–1865) был смертельно ранен агентом рабовладельцев Дж. У. Бутом 14 апреля 1865 г.

Веддер Элия (1836–1923) — американский художник.

Тициан (Тициано Вечеллио) (1476/77 или 1480-е гг. — 1576) — итальянский живописец, крупнейший представитель венецианской школы эпохи Высокого и Позднего Возрождения. Мелвилл, вероятно, имел в виду его картину «Мужчина с соколом».

Как гордый Аполлон, / Пифону каждый угрожал ... — Согласно древнегреческой мифологии, Аполлон убил змея Пифона, владевшего Дельфийской скалой, и присвоил себе святыню, которую тот охранял.

Командир студенческого полка. — Речь идет об Уильяме Фрэнсисе Бартлете, который оставил учебу в Гарварде, за годы войны прошел путь от рядового до бригадного генерала, был неоднократно ранен, потерял в боях ногу. Битва при *Питерсберге*, в ходе которой была взорвана мощная мина, началась 30 июня 1864 г.

Фрагменты ИЗ ПОЭМЫ «КЛЭРЕЛ»

Крестный Путь — дорога, по которой, согласно евангельской традиции, Христос шел от дворца римского прокуратора Понтия Пилата (прав. 26–36) к месту распятия.

Се человек — слова Понтия Пилата (Иоанн, 11:5).

Горгона — в древнегреческой мифологии крылатая женщина-чудовище, которая взглядом превращала в камень все живое.

Пиранези Джованни Баттиста (1720–1778) — итальянский художник, гравер. Мелвилл имеет в виду его серию «Воображаемые тюрьмы» (1740).

...*изречение Павла ...* — реминисценция из Библии (Фес., 2:7).

«Бегут по свету провода...» — Мелвилл имеет в виду трансатлантический кабель, прокладка которого в то время была поразительным достижением техники.

Лютер Мартин (1483–1546) — глава бюргерской Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма (лютеранства).

Дарвин Чарлз (1809–1882) — основатель эволюционной теории происхождения видов.

Из сборника «ДЖОН МАРР И ДРУГИЕ МАТРОСЫ»

Эолова арфа (Эол — в древнегреческой мифологии повелитель ветров) — воздушная арфа, струнный музыкальный инструмент. Устанавливалась на крышах домов, звучание ее менялось в зависимости от силы ветра; в романтической поэзии символизировала роль художника в творческом процессе. Эолова арфа была и на крыше дома Мелвилла.

Ариэль — персонаж комедии Шекспира «Буря», веселый дух воздуха.

Аликанте — порт в Валенсии, Испания.

Балтимор — один из крупнейших морских портов США, штат Мэриленд.

Кракен — легендарное мирское чудовище, было описано в «Естественной истории Норвегии» Эриком Понтопиданом (1698–1764), епископом Бергенским.

Мальдивские острова — архипелаг коралловых атоллов в Индийском океане.

Орм (Ормузд) — позднейшая персидская форма имени высшего божества в древней религии Ирана.

Голубые Горы — горный хребет, составная часть Аппалачей.

Четверка ангелов . — Согласно библейским преданиям, четыре ангела на четырех углах Земли держат четыре ветра (Откр., 7:1–3).

Из сборника «ТИМОЛЕОН И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

Метродор . — Вероятно, Мелвилл имеет в виду Метродора из Стратоники (в Карию), сначала эпикурейца, потом последователя скептической философии Карнеада киренского (214–129 до н. э.), который отрицал возможность знания вообще, так как нельзя найти критерий истины.

Тенирс Давид Младший (1610–1690) — фламандский живописец, изображавший идиллические сцены крестьянского быта.

Вот, Он убивает меня ... — Мелвилл цитирует Библию (Иов, 13:15).

...чувство Иакова... — Согласно Ветхому завету, бог боролся с Иаковом всю ночь и не мог победить его (Быт., 32:24–26).

София . — Имеется в виду храм св. Софии («Премудрости божией») в Константинополе.

...убила, заманив, / Сисару Иаиль . — Ханаанский военачальник Сисара после битвы спасался бегством и был убит Иаилью (Суд., 4, 5).

Парфенон — храм богини Афины Парфенос в Афинах. Построен на Акрополе в 447–438 гг. до н. э. *Иктином* и Калликратом, отделка велась под руководством Фидия.

Лаиса — древнегреческая гетера, родом из Коринфа.

Спиноза Бенедикт (Барух) (1632–1677) — нидерландский философ-материалист, пантеист и атеист. Стремился к созданию целостной картины природы, считал бесконечное многообразие отдельных вещей проявлением единой субстанции.

Перикл (ок. 490–429 до н. э.) — древнегреческий политический деятель; в эпоху его правления велось строительство общественных зданий, в том числе Парфенона.

Аспазия (ок. 470 —?) — жена Перикла, славилась умом и красотой.

ИЗ ПОСМЕРТНО ОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Принесенные в жертву . — Речь идет о рукописях, которые Мелвилл сжег, готовясь к переезду в Нью-Йорк в октябре 1863 г.

Киклады — архипелаг в южной части Эгейского моря, насчитывающий более двухсот островов.

Делос — остров, входящий в состав Киклад; согласно древнегреческой мифологии, место рождения Аполлона.

Селкирк . — Шотландский моряк Александр Селкирк (1676–1721), прототип героя романа Дэниела Дефо (1661–1731) «Робинзон Крузо» (1719), с 1704 по 1709 г. прожил в одиночестве на о. Хуан Фернандес.

Рэли Уолтер (1552? — 1618) — военный и политический деятель Англии, основатель первой английской колонии в Северной Америке на о. Роанок в 1585 г., глава экспедиции к берегам Южной Америки в 1594–1595 гг.

Полинезия — острова Океании, расположенные в центральной части Тихого океана.

Маркизские острова — составная часть Полинезии.

Камоэнс . — *Камоэнс* Луис (1524–1580) — португальский поэт (поэма «Лузиады»).

Монтень Мишель де (1533–1592) — французский философ и писатель.

Орден этот ... — В 1571 г. Монтеню был пожалован орден св. Михаила.

Гораций (Квинт Гораций Флакк) (65 до н. э. — 8 до н. э.) — древнеримский поэт.

Беранже Пьер Жан (1780–1857) — французский поэт.

Хафиз Шамседдин Мохаммед (ок. 1325–1389?) — персидский поэт.

Понтосук — озеро к северу от Питтсфилда, города, где жил Мелвилл.

Халдеи — в древней Греции и Риме так называли жрецов и прорицателей вавилонского происхождения.